

М.А. Широкова

Специфика взглядов ранних славянофилов на соотношение интересов общества и государства

Проблема соотношения интересов государства и общества занимает чрезвычайно важное место в концепции политического идеала основоположников славянофильства А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина. Она не потеряла своей остроты и в настоящее время. Эта проблема в славянофильской концепции тесно связана с целым рядом философских противопоставлений: вещественного и духовного, механического и органического, юридического и нравственного, политического и социального. Утверждение славянофилов о том, что политическая власть должна служить интересам общества и помимо этого не может иметь каких-либо самостоятельных целей, дало основания многим исследователям отнести славянофильское политическое учение к одной из ветвей русского дворянского либерализма.

Но, на наш взгляд, следует обратить внимание на принципиальное различие в подходах славянофилов и европейских либералов XIX в. к понятию общества как сферы, свободной от прямого государственного контроля. Либералы выдвигают понятие «гражданское общество», которое представляет собой многообразие взаимоотношений независимых друг от друга и от государства формально равных индивидов. Славянофилы же обозначали сферу, противопоставляемую ими государству, понятием «земля», «народ», т.е. общество, являющееся единым духовным организмом, устроенным на началах соборности и любви. Что касается термина «гражданское общество», то он использовался славянофилами чрезвычайно редко и всегда как синоним термина «государство». Точнее, они, подобно предшественникам либерализма XVII в., называли «гражданским обществом» весь народ вместе со стоящей над ним публичной властью. Понятие «гражданское общество» славянофилы употребляли тогда, когда хотели подчеркнуть общую историческую судьбу народа и политической власти.

В произведениях деятелей славянофильства встречаются и такие понятия, как «гражданственность», «гражданская жизнь». Они использовались в соответствии с традицией, сформировавшейся в русской общественно-политической мысли под влиянием идей французского Просвещения и в особенности теории Руссо.

Гражданином славянофилы называли человека, глубоко заинтересованного в судьбе своего народа и государства, считающего своим высшим долгом служение общему благу. «Гражданственность» в сла-

вянофильской политической теории рассматривалась как наличие у человека «гражданских, политических добродетелей» (помимо добродетелей духовных). Характерно, что ни в своих историософских построениях, ни в проектах политического идеала Хомяков и другие славянофилы не отделяли, подобно западным либералам, «гражданские» добродетели от добродетелей «политических», а напротив, употребляли эти слова как синонимы. «Гражданственность» человека подразумевает осознание им своего долга и перед государством, и перед обществом, поскольку интересы государства и общества в идеале должны совпадать. В глазах каждого конкретного гражданина народ «освящает» государство, а государство «олицетворяет» народ.

А под «гражданской жизнью» понималась способность народа к самоорганизации в политике, к самоуправлению и политическому участию, обусловленная традициями, политической культурой данного общества, а также конкретной исторической ситуацией. В идеальном самодержавном государстве, по мысли славянофилов, участие народа в политике должно быть сведено к минимуму, однако развитая, самобытная «гражданская жизнь» имеет огромное значение как в процессе воплощения политического идеала, так и после этого. Народ как живое, внутреннее начало, одухотворяющее внешнюю форму государства, предоставляет ему право вести политические дела, но при этом народу необходимо сохранить в себе способность вмешаться в политику в том случае, если государство погибнет или окажется не в состоянии управлять обществом. Кроме того, народ должен постоянно доводить до самодержца свою волю, свое «мнение» относительно «дел политических» через Земский собор. А выработать народное мнение по каждому конкретному политическому вопросу как раз и позволяет непрерывающаяся «гражданская жизнь».

Как уже было сказано, для обозначения той сферы жизни общества, которая должна быть свободна от вмешательства государства, славянофилы использовали понятие «земля». Наибольшую остроту проблема соотношения интересов государства и земли приобрела у К.С. Аксакова.

Под *землей* славянофилы понимали внутреннюю жизнь народа, сферу свободного проявления «народного духа», воплотившуюся в общине как нравственном союзе людей. *Государство* же в их представлении – внешняя власть, охраняющая землю. Поэтому рус-

ская история есть прежде всего история земли, а не государства. Не отрицая огромной научной ценности «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, славянофилы подчеркивали, что эти авторы рассказывают «не историю России, даже не историю государства русского, а только историю государственности в России» [1, с. 532]. В их книгах нет русского народа, «нет земли, а значит, – нет жизни». Точно так же и западники (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др.) в своих произведениях, посвященных истории России, «следя за развитием русского государства, упустили из виду русскую землю, забывая, что земля создает государство, а не государство – землю» [2, с. 50]. «Земля составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей, семена и корни всего великого, возносящегося на поверхности, глубоко зарыты в ее плодотворной глубине, и никакое дело, никакая теория, отвергающая эту основу, не достигнет своей цели, не будет жить» [2, с. 51]. С гибелью земли неминуемо исчезнет и государство, но с гибелью государства жизнь земли не прекращается, земля может вновь и вновь восстанавливать государство.

Для того чтобы государство и земля сосуществовали в мире и гармонии, обеими сторонами должны соблюдаться определенные принципы взаимоотношений. К.С. Аксаков видел основание этих отношений во взаимной доверенности политической власти и общества. По его теории, со времени добровольного призвания государства народом на Руси существует союз «Земли» и «Государства», добровольный союз, основанный на согласии и взаимном невмешательстве: «Народ есть первый страж власти... он есть свободный подданный. С обеих же сторон, так как не было принуждения, а было полное согласие, должна быть полная доверенность» [3, с. 9]. У каждой из сторон этого союза есть собственная сфера деятельности – «дело земское» и «дело государево». И народ, и государство в допетровской Руси, по мнению Аксакова, знали пределы своей деятельности и не преступали их: «Земля и Государство жили при системе взаимного невмешательства, непосягательства, и Государство было полезно для Земли» [3, с. 301]. Функции «государева дела» ограничивались управлением, внешним и внутренним, организацией военной службы и защитой земли от внешних врагов. Аксаков придавал большое значение и такой функции государства, как защита общественного мнения, ибо «правительство существует для народа». А «земское дело» регулирует те отношения, в которые не может вмешиваться государство: земледелие, промышленность, торговлю, быт, идейно-нравственную жизнь. Граждане должны быть самостоятельны перед государством в смысле выражения своего мнения, которое, не заключая в себе политического элемента, обладает лишь нравственной силой. Участие народа в государстве должно быть

чисто духовным и нравственным, поскольку русский народ по своей природе – негосударственный, не стремящийся к политической власти. Идеал русского народа не политическое, государственное совершенство, а создание христианского государства и общества. Чем более развит механизм государства, тем сильнее, как считал Аксаков, учреждение заменяет внутренний мир человека. Принудительная власть во всех проявлениях может «каменить» народную жизнь. Поэтому государство должно давать как можно больше простора внутренней жизни граждан и само должно понимать собственную ограниченность, недостаточность.

Идеальные взаимоотношения народа и власти, по мнению Аксакова, существовали в Древней Руси. В статье «О том же» славянофильский автор подробно рассматривал общинный социально-политический строй Древней Руси, который, как он полагал, опирался на волю народа. Аксаков был уверен, что свобода мнения – совещательный элемент – пронизывала всю русскую историю до Петра и находила выражение в общественной сходке-вече и, наконец, в Земском соборе, который осуществлял связь между царем и народом. А основа совещательного элемента лежала в общинной организации Древней Руси: «Сельские общины выбирали своих старост и других чиновников. Иногда государь призывал Землю на совет и делал ее участницею дел политических» [3, с. 13]. К государю на совет в этом случае созывалась вся – и служилая, и земская – Россия в лице своих выборных представителей. Аксаков писал: «Древние областные веча... преобразовались при единодержавии в Земский собор всея России, – явление, имеющее одну чисто нравственную силу мнения, без всякой внешней принудительности, – силу, к которой обращалось правительство как к самой надежной и верной подпоре. Выборные на Земском соборе обыкновенно отвечали в таком роде: “Как поступить в этом деле, государь, это твоя воля, а наша мысль такова”» [4, с. 150]. Можно сделать вывод, что народное представительство, каким Аксаков представлял его в прошлом и каким хотел бы видеть в будущем, было ничем иным, как «правильно организованной силой общественного мнения» или официальным заявлением действительных потребностей, интересов и умонастроений страны. С другой стороны, народное представительство у Аксакова служит надежным проводником решений государственной власти в жизнь общества. Но представительство это ни в коем случае не должно само иметь власть издавать или утверждать законы. Мнение представителей, даже единогласное, должно оставаться «не более как простым мнением», не приобретая никакой юридической силы. Оно не должно становиться «ни полузаконом, ни четвертью закона, ни сотою долей его до решения верховной власти» [4, с. 20].

В статье «Вступление в историю Земских Дум» Аксаков раскрывает особенное отношение народа

к власти у славянских племен. Имея перед собой такой несомненный исторический факт, как Новгород, где одновременно существовали общинное собрание (вече) и свой князь, Аксаков полагал, что славянские народы поставили себе идеалом общественного устройства «совмещение полной свободы жизни (следовательно, и свободы мысли и слова) с свободой действия, предоставленной правительству в сфере государственной» [3, с. 12].

Аксаков обличал начавшееся с Петра I «иго государства над землею» и определил принцип идеальных отношений самодержавной власти и общества: «Правительству – неограниченная свобода *правления*, народу – полная свобода *жизни* и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству* – право *действия* и, следовательно, закона, народу – право мнения и, следовательно, слова. Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!» [4, с. 96].

Отрицая конституционные ограничения верховной власти, Аксаков, по сути дела, высказал мысль о необходимости ее ограничения силой общественного мнения и слова. Он более всех славянофилов отстаивал «неполитические», на его взгляд, права народа: свободу слова, мысли, печати, общественного мнения.

Впрочем, идея о совместимости самодержавия и народной свободы была одной из ведущих в политических размышлениях и остальных старших славянофилов. По учению Хомякова, общество в России («земля», «земщина») коренным образом отличается от западного гражданского общества. Первичные духовные начала русской «земли» предполагают ее внутреннее единство. А различия между сословиями – различия чисто внешние, условные, введенные в связи с государственной необходимостью. Они не проникали вглубь народного духа, и лишь петровские преобразования привели к разобщению сословий в России. Это недоразумение в русской общественной жизни может и должно быть исправлено.

На Западе дело обстоит иначе. Там классовые и сословные перегородки жестко разъединили общество с самого момента возникновения государства. Поэтому у народа любой западной страны нет и не может быть общей, единой воли. Каждый народ разбит на борющиеся классы, а каждый класс – на враждующих индивидов.

Но в России у «земли» есть «органическая» воля, и при «правильной» государственной форме – самодержавии – власть должна к ней прислушиваться. Отсюда и происходит славянофильская идея Земского собора как органа совещательного, не обладающего собственно политической властью. Царь царствует вместе с земщиной как своим советчиком. Голос народа через земщину доходит до царя. Бюрократия не

должна разделять царя и народ, власть и земщину. Выступая против переноса на русскую почву институтов европейской демократии, славянофилы подчеркивали, что голос русской земли не может быть услышан и узан по арифметическому подсчету голосов, что это голос соборный, органический, а не механический. К соборному голосу земли царь должен прислушиваться и в согласии с ним править. Но отношения между земщиной и царем должны быть не юридическими и формальными, а патриархальными и органическими. Хомяков считал ненужным заимствовать опыт западной демократии еще и потому, что он видел в русской истории собственные богатые демократические традиции, находящиеся в полном согласии с духом русского народа. Только благодаря наличию высокоразвитой национальной политической культуры русское общество смогло пережить крушение государственных институтов во времена Смуты и в 1612 г. восстановить верховную политическую власть, избрав на царство Михаила Романова. Государство на Руси, по существу, тогда было создано вновь, и опять не с помощью западного общественного договора, а единодушным выражением соборной воли всего народа.

Осуждение ранними славянофилами рационализированных и потому «внешних» форм общественной жизни имеет своим источником консервативную традицию. Схожие идеи высказывались в Германии консерваторами популистской ориентации, например историком культуры В. Рилем, которого Ю.Ф. Самарин отнес к «западным славянофилам» [2, с. 401]. На это сходство обратил внимание Иван Аксаков, сопоставляя слова своего брата об аполитичности русского народа с высказыванием Рила: «Немецкий народ – народ не политический, а социальный» [5, с. 513]. Противопоставление социальной (социально-экономической) и политической (государственно-правовой) сфер, а также стремление максимально ограничить вмешательство государства в жизнь общества были свойственны и либеральным идеологиям. По мнению А. Валицкого, этим и объясняется парадоксальное, хотя и чисто формальное сходство аксаковской концепции государства как «стража земли» с известным афоризмом Лассалля, назвавшего либеральное государство «ночным сторожем».

Разумеется, жесткое разграничение либералами интересов государства и гражданского общества было совершенно чуждо славянофильскому ожиданию грядущего синтеза соборного общества и самодержавного государства. Следует еще раз подчеркнуть, что славянофилы вполне осознавали всю важность политических институтов в жизни общества, что предельно четко сформулировал Ю.Ф. Самарин: «Крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа» [2, с. 107].

Литература

1. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. – М., 1994. – Т. 1.
2. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М., 1877. – Т. 1.
3. Аксаков К.С. Сочинения. – М., 1861. – Т. 1.
4. Бродский Н.Л. Ранние славянофилы. – М., 1910.
5. Аксаков И.С. Сочинения. – М., 1886. – Т. 2.